

БАЛАКЛАВА. НАЧАЛО XX ВЕКА

«Живут люди на Камчатке, живут в Сахаре, и в башкирских солончаках, и не только живут, но даже возвышаются до создания собственной поэзии. С этой точкой зрения, пожалуй, можно жить не только в Балаклаве, но и в аду. Кстати, с последним у нее много общего: адская жара и адская скука!» – эту запись 20 августа 1908 года в «Балаклавском альбоме», который завела Елена Дмитриевна Левенсон для приезжих знаменитостей при городской библиотеке, оставил **писатель Михаил Петрович Арцыбашев**. Действительно, спорить с августовской жарой в Балаклаве трудно. Что же касается скуки в разгар сезона в модном по тем временам курорте – тут автор немного преувеличил. Сам он не раз становился объектом, эту скуку развевающим: устраивал скандалы в гостиницах и ресторанах. Учинял погромы в театре. Вызывал на дуэль царских особ. Острые на язык местные листригоны награждали его обидными прозвищами: «Гнусавый дуэлянт», «Бульварный писака», «Тугоухий скандалист»... В столицах же его удостаивали совсем другими титулами: «Человек экстримы», «Король порнографии», «Массон литературной элиты России»...

Михаил Арцыбашев.

Немногие современные читатели знают сегодня творчество писателя. А ведь в начале прошлого столетия существовало целое направление в искусстве – «Арцыбашинщина». Русский кинематограф делал свои первые шаги с экранизации его произведений. В столичных и провинциальных театрах с аншлагом шли постановки запрещенных пьес. Во многих странах мира гремели судебные процессы над автором нашумевших романов. Авторские труды арестовывались, становясь потом классикой, книги изымались из продажи, а затем возводились в ранг бестселлеров. Эти ристалища сопровождали литератора всю жизнь. На время затихая, они вспыхивали

вновь, как только в печати появлялся рассказ, повесть или роман. Произведения писателя, рожденные в долгих раздумьях, в смятении его хрупкой души, томящейся под панцирем незавидной внешности, спустя долгие годы, не потеряли своей актуальности и сегодня. Михаил Арцыбашев родился 24 октября (5 ноября) 1878 г. на хуторе Доброславовка Ахтырского уезда Харьковской губернии в семье начальника полиции. Рано лишился матери, польки по происхождению. В детстве после болезни оглох на одно ухо, в дальнейшем заболел туберкулезом. В 16 лет пытался покончить жизнь самоубийством. Однако выжил, но это был уже не прежний жизнерадостный и мечтательный паренек, а повзрослевший, замкнувшийся в себе человек. Его друг юности, Евгений Агафонов вспоминает: «Был он наружности оригинальной: длинные волосы, черная борода, мертвенно-зеленый цвет лица, худой и сутулый... Всю жизнь болел, часто лечился на юге, а его всегда тянуло в Доброславовку — милую, но сырую и малярийную...». Бросил гимназию после 5-го класса, увлекшись живописью, уехал учиться в Харьковскую школу рисования. В своей автобиографии Арцыбашев пишет: «В детстве желал быть охотником, но не прочь и офицером, потом очень долго мечтал быть художником, и вдруг неожиданно стал писателем. Произошло это потому, что я влюбился!». В 20 лет он женился по страстной любви, на девушке из соседнего имения, но из-за несходства характеров через 3 года развелся. От этого брака остался сын Борис, ставший впоследствии известным художником в Америке. Оставив Харьковскую рисовальную школу перед самыми выпускными экзаменами, Арцыбашев уехал в Петербург. Не попав в Академию Художеств, остался совершенно без средств, зарабатывал на жизнь рисованием карикатур в петербургских газетах, публикуя там свои рассказы. В 1904г. был напечатан рассказ «Смерть Ланде», давший уже автору известность. В 1905г. он стал вдохновителем литературного «Кружка бьющих» (В.В. Муйжель, А.А. Вербицкая, А.С. Рославлев,

А.П. Каменский). В 1907 г. вышел в свет роман «Санин», принесший ему не только всемирную славу, но и всеобщую травлю. Не просто складывалась личная жизнь писателя. По воспоминаниям современников, Михаил Петрович второй раз женился на женщине ничем не примечательной, намного старше его. Они прожили двенадцать лет. Он стал для нее любящим, верным и заботливым супругом, написал при ней «Санина», прославился, разбогател, но как только перевел на ее имя большую часть своих денег, она тотчас же оставила его ради заурядного актера быкообразной наружности.

Главная писательская цитадель Петербурга располагалась в то время в ресторации «Вена». «Быть причастным к литературе и не побывать в «Вене» – все равно, что быть в Риме и не видеть Папы Римского» – шутили члены кружка. Пишущей братии там был объявлен кредит и скидка с преysкурантных цен. Вплоть до 3 часов утра в ресторане бурлила жизнь. Только усиленные просьбы владельца заведения Ивана Сергеевича Соколова заставляли писателей подниматься с насиженных мест. Арцыбашев часто бывал мрачен и молчалив. Наблюдая за пировавшими вокруг него собратями, сам не увлекался ни вином, ни обильной едой. Уходил в бильярдную, выигрывая там партию за партией. Именно в «Вене» он впервые увидел ту, которая на многие годы станет его ангелом-хранителем. Однажды Анатолий Каменский, автор эротических бульварных романов, привел на заседание кружка свою гражданскую жену Елену Княжевич – актрису одного из петербургских театров. В свете говорили о ней разное: наследница богатых родителей, покинувшая отчий дом в поисках приключений и счастья, несколько раз неудачно пытавшаяся выйти за муж, авантюристка, «эмансипе»... Спустя неделю, в литературных кулуарах поползли слухи о романе Арцыбашева и Княжевич. Вскоре они вместе отправляются на юг.

Елена Княжевич.

Крым очень благотворно влиял на физическое состояние писателя, но практически ни одна его поездка туда не обходилась без нравственных мучений. Губернские газеты того времени писали: «В Ялте, во время обыска у знаменитого писателя Арцыбашева в гостинице «Джалита», два городских, просматривая рукопись пикантного

С.Н. Сергеев-Ценский.

романа «Санин», умерли от стыда. Арцыбашев привлекается к ответственности». В этих обстоятельствах Таврический губернатор запретил писателю поселяться в крупных крымских городах...».

Неподалеку от Алушты родственникам Елены Ивановны Княжевич принадлежало имение Кучук-Узень с прекрасным парком реликтовых деревьев. Погостив там неделю и напроочь рассорившись с владельцами поместья, Арцыбашев со спутницей отправляется к Сергееву-Ценскому. Его скромная алуштинская дача всегда была открыта для писателей, поэтов, музыкантов. В ту весну там гостили Г.С. Скиталец и А.И. Куприн. На просторной веранде («Шагальне» — так называл ее хозяин дома) пили чай у самовара, обменивались мнениями о литературных новинках, читали, пели.

Михаил Петрович, стесняясь своей глухоты, участия в общем веселье не принимал. Уединившись в уютном дворике, делал зарисовки живописной округи в свой альбом. Узнав от Марии Карловны Куприной о Балаклаве, загорелся идеей побывать там.

С тех пор этот тихий городок прочно вошел в жизнь писателя. Хотя поначалу все складывалось непросто. После многочисленных

Дом Г.Ф. Арони в Балаклаве.

скандалов с владельцами меблированных комнат и гостиниц, Арцыбашев поселился у Георгия Федоровича Арони. Его просторный дом с тенистым двориком располагался на одной из верхних улиц (ныне ул. 9 Мая). Оттуда открывался прекрасный вид на бухту и старинную крепость. Соседом оказался бывший узник Шлиссельбургской крепости, «Главный террорист России» (так называли его местные жандармы) – народоволец М.Н. Тригони. По воспоминаниям врача С. Никонова, по приезду в Крым настроение революционера было угнетенным, подавленным. Но скоро Михаил Николаевич вполне восстановил душевное равновесие, был очень общителен со знакомыми, часто шутил и весело смеялся. Поражала его необычайная простота и прямота в отношениях с людьми, это был на редкость добрый, мягкий и приятный человек. От матери Ольги Михайловны, дочери адмирала Российского флота М.Н. Станюковича, ему досталась приличная сумма денег. Купив домик в Балаклаве, он начал обустраиваться. Затеял строить пристройку, говоря, что после его смерти дом останется для бывших политзаключенных. Но стройка продвигалась медленно. Тригони каждый день покупал каменщикам и плотникам вино и закуску: «Довольно! Пойдемте, закусим немного. Вы уже сегодня наработались...». Михаил Николаевич много читал и любил поговорить на современные политические темы. В лице Арцыбашева он нашел умного собеседника. Между обоими Михаилами возникла дружба, которая продолжалась несколько лет. Итогом долгих бесед о революции стала повесть «У последней черты», которую писатель начал писать в Балаклаве.

Вторым человеком, с которым Арцыбашев поддерживал дружеские отношения, был местный фельдшер Евсей Маркович Аспиз. Он следил за здоровьем писателя, сопровождал его на прогулках, знакомя с обычаями, достопримечательностями городка, и людьми, живущими здесь. Играя с Михаилом Петровичем в шахматы, подолгу беседовал о литературе, о политике, о жизни.

Елена Ивановна участия в разговорах не принимала. Ее, как актрису столичной труппы антрепризы К.Н. Незлобина, волновала сцена. Она мечтала сыграть в Балаклавском театре «Прогресс». Но актеры на сезон там уже были собраны, и свободных вакансий не оказалось. Именно с этим театром связан громкий скандал Арцыбашева. Впоследствии С.Н. Сергеев-Ценский вспоминал: «Решив пойти на премьеру, дабы угодить жене, и учитывая свою глухоту, заранее заказал два билета в первом ряду. Но когда пришел к началу спектакля, то кассирша сказала, что все билеты первого ряда, как и второго, и третьего, и четвертого, уже проданы, а есть места только в пятом ряду. Барышня эта сидела за своим столиком с билетами как раз над бухтой. И вот, писатель хватает столик за ножку и швыряет его в воду со всей выручкой и с непроданными билетами. На шум собрался народ. Потом он спрашивает: «Сколько стоит?» И когда ошеломленная плачущая кассирша лепечет: "Полтора ста рублей должен быть полный

сбор», он уплачивает всю сумму и уходит”... ”Всего только полтораста рублей, а сколько написали и в скольких газетах! – совершенно непри- творно ликовал Михаил Петрович. – Ни об одном романе моем, даже о «Санине» так дружно не писали!” Позже, администрация театра,

Дача Апраксина.

узнав, что «дебошир» – извест- ный писатель и драма- тург, пыталась загладить конфликт, который возник по причине забывчивости кассирши. Ему предлагали бронировать места на бли- жайшие премьеры, но Ар- цыбашев отказался. К ве- ликому сожалению Елены Ивановны.

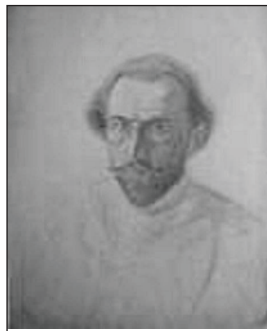
В ту пору особой попу- лярностью в Крыму поль- зовался праздник «Белого Цветка». Юноши и девуш- ки ходили по улицам Бала- клавы с шестами, увитыми белыми цветами, и соби- рали пожертвования. По- всюду устраивались благо-

творительные базары, работали буфеты, шли концерты. Прейскуран- та цен не было – давали, кто сколько может. Организаторы особенно подчеркивали то, что важен каждый пяточок, собранный в помощь больным и малоимущим. Акции «Белого Цветка» проходили под па- тронатом царской семьи, в них принимали участие все слои населе- ния.

Елену Княжевич пригласили выступить в благотворительном концерте. Билеты Матвею Александровичу Апраксину, чья велико- лепная дача находилась на Западном берегу, вызвался отнести Арцы- башев. Граф, приходившийся кумом императору, не удостоил писате- ля аудиенции. Через лакея последовал ответ: «Хозяин сам знает, где находится касса. И если ему будут нужны билеты, он их там купит!» Возмущенный писатель достал блокнот и написал записку, что сам он из дворян, и что отказом принять его – нанесено ему унижительное оскорбление. Он вызывает графа на дуэль, и будет ждать секундантов. Если же Апраксин откажется, то он будет считать его трусом и негодя- ем! Арцыбашев вернулся домой довольный и радостный, что вот так романтично закончится его жизнь. Секундантов он так и не дождался. Елена Ивановна ушла на концерт одна. Но выступить ей не удалось. Ворвавшись в зал театра, Арцыбашев грубо схватив за руку жену и громко сквернословя, потащил ее к выходу под возмущенными взгля-

дами публики. Княжевич, пунцовая от стыда, едва сдерживая слезы, вынуждена была подчиниться. На следующий день, через нарочного, граф М.А. Апраксин отправил градоначальнику Севастополя письмо с требованием о немедленной высылке Арцыбашева из Балаклавы. Но получил ответ с советом проигнорировать инцидент, так как высылка хулигана-писателя только добавит ему скандальной популярности.

Сцены ревности между супругами вспыхивали постоянно. Во время размолвок, Арцыбашев по несколько дней не появлялся дома. Е.М. Аспиз вспоминал: «Типичный представитель столичной богемы, говорил со всеми тоном, не допускающим противоречия. Он всегда был одет в черную шелковую рубашку, так называемую, «толстовскую», подпоясанную красным поясом, и длинные бархатные брюки, поэтому обращал на себя всеобщее внимание. На ногах блестели (как луна) лаковые ботинки. «Человек экстрима» имел уже довольно сильно поседевшую «львиную гриву». Добавить к этому очки с темными стеклами и необыкновенно гнусавый голос. Страстно играл в бильярд. Был в этой игре виртуозом. Любил также «ловить чертей на дне рюмки». Довольно часто, его жена, обойдя все злачные места, и найдя супруга в каком-нибудь закоулке, присаживалась рядом. О чем-то тихо разговаривала, будто с ребенком, а потом, полуобняв за сутулые плечи, вела его домой. Местные обыватели

М.А. Арцыбашев.
Автопортрет.

не переставали удивляться – что может связывать эту симпатичную молодую женщину с этим старым, больным гнусаво - тугоухим скандалистом?..» Пробышевав несколько дней, буря чувств неожиданно затихала, чтобы в очередной раз вспыхнуть с новой силой. «Некоторые говорят, что я груб и злобен. Это неправда. Я не груб, а резок; я не злобен, а просто живой человек, который кричит от тоски и боли» – всякий раз повторял Михаил Петрович, польщенный легкостью своей победы над женой. И в знак примирения дарил ей свои рисунки – портреты, сделанные карандашом. Он не столько любил ее, сколько ревновал, выстрадав пьесу „Ревность“. Впрочем, Сергеев-Ценский утверждал, что львиную долю работы над сюжетом и диалогами, взяла на себя Елена Ивановна: «Ему часто предлагали театры написать что-нибудь для постановки на сцене, но он, по его же словам, в разговоре со мной, никак не мог заставить своих действующих лиц выйти из-за стола, за которым они сидели, пили и говорили. “Говорят, черт их знает что, а с места ни за что не могут сойти!” Наконец, при помощи актрисы Княжевич он написал пьесу “Ревность”, имевшую большой успех. Эта работа дала ему в один сезон несколько десятков тысяч. Позже я слышал, что все свои деньги он проиграл в одну неделю в

рулетку, в Монако, оправдав этим пословицу: что легко наживается, то еще легче проживается...»

Драма, написанная в Балаклаве, прогремела на весь свет – ее ставили в столичных и провинциальных театрах Америки и Европы. В 1914 году осторожный Александр Ханжонков экранизирует пьесу Арцыбашева. Это был мужественный шаг. На кон режиссер поставил своё реноме порядочного человека и авторитет уважаемой в мире кинофирмы. Риск был в съемке «проповеди сексуальной распущенности» накануне Первой мировой войны. Но в театре и в синематографе блистали другие. Драматург, несмотря на появляющиеся иногда в театральной прессе положительные рецензии о спектаклях, где играла Княжевич, не очень высоко ценил актерское дарование жены, доверяя главные роли более профессиональным исполнительницам. В нескольких его пьесах главные роли исполняла популярная актриса того времени Лидия Яворская. И все-таки Елене Ивановне однажды удалось блеснуть перед широкой публикой.

В годы войны культурная жизнь в Крыму не замирала. В Феодосии улицы пестрели афишами: «Летний сад. Городской театр. В понедельник 18 июля 1916 г. Правление феодосийского округа, стоящего под Августейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, и Российское общество спасения на водах устраивает ВЕЧЕР при благосклонном участии профессоров Петроградской консерватории Н.Н. Кедрова, Харьковского музыкального Училища А.А. Борисьяк, поэтов М.А. Волошина, О.Э. Мандельштама, В.Ф. Ходасевича; артистов Императорских театров: Мариинского П.З. Андреева, Александрейского – Е.М. Манасеиной; декораторов Императорских театров Князя А.К. Шервашидзе, и К.В. Кандаурова; артистов Петр.музыкальной драмы Л.К. Некрасовой. Московского Художественного театра Н.О. Моссалитинова.; Студии Московского художественного театра О.В. Баклановой и Е.Ф. Краснопольской, Д.А. Зеланда и И.В. Васильева, Театра Незлобина Е.И. Арцыбашевой-Княжевич; певиц: М.А. Зыряновой, Т.Б. Крыловой, А.К. Моисеенко, А.В. Павловой, и С.И. Семеновой; скрипача С.С. Дымека; пианистки Ю.Ф. Львовой и пианистов: Владимира Бунимовича и Н.В. Павлова; свободных художников – Р.И. Борисьяк, Ю.Л. Оболенской и Н.И. Хрустачева; декоратора – художника С.М. Живова; администратора И.И. Портнова и других лиц.»

Согласно отчёту в газете «Южные ведомости», Вечер принёс 1601 рубль сбора. Почти все участники вечера дружили с Максимилианом Волошиных. За курортный сезон 1916г. через гостеприимный дом Волошиных в Коктебеле прошло более шестидесяти человек. Чета Арцыбашевых гостила здесь и раньше. Однажды два знаменитых писателя Арцыбашев и Волошин прогуливались в окрестностях знаменитого хребта Узун-Сырт, где проходит «Золотая параллель мира». Увлечшись беседой, Михаил Петрович сорвал с головы шляпу и бросил в сто-

рону. Ветер подхватил ее и долго кружил в воздухе. Так были открыты удивительные воздушные потоки в этом районе. Через несколько недель здесь уже опробовали себя в полетах первые планеристы.

Арцыбашев резко не принял Октябрьский переворот 1917 года. «Идеалы очень хороши, но и мыльные пузыри очень красивы», – заявлял он. В своих «Записках писателя» он пишет: ««Я ни единой минуты не служил большевикам; за все пять лет не получал от них никакого пайка, кроме той осьмушки хлеба, которую выдавали по карточке третьей категории всем и каждому; я не домогался охранных грамот и потому потерял все, что мог потерять; я не подчинился советским декретам, поскольку они относились ко мне лично, и до самого конца пребывал в положении злостного дезертира, как военного, так и трудового; я не участвовал ни в каких «культурных» учреждениях политпросвета и не дал ни одной строчки, ни в какую «Красную Ниву». На официальное предложение большевицкого «Госиздата» я ответил письменно, что до тех пор, пока нет в России свободы слова, я им не писатель! Мне приходилось зарабатывать на хлеб собственными руками, но эти руки ни разу не протянулись к большевикам, и, да простят мне грубость, я предпочитал чистить ватерклозеты, в буквальном смысле этого слова, чем работать с большевиками, хотя бы и на предмет сохранения величайших культурных ценностей!».

За время, прошедшее с выхода первых публикаций литератора, его творчеству было посвящено 146 книг и крупных статей, не говоря уже о бесчисленном множестве информационно-обзорных упоминаний.

М.П. Арцыбашев в редакции газеты «За Свободу!».

После Октябрьской Революции в России он пришел к выводу, что уже не найдет на своей Родине ни читателей, любителей его творчества, ни достойного места для себя, как писателя. До лета 1923 года Арцыбашев жил в скромной квартирке в Мамонтовском переулке в Москве, не участвуя в литературно-общественной жизни. Определившись с гражданством (по материнской линии он приходился правнуком польскому генералу Тадеушу Костюшко), эмигрировал в Польшу и поселился в Варшаве. Там он сблизился с Борисом Савинковым, стал активным сотрудником газеты «За свободу!».

Елена Ивановна тяжело переживала разрыв с родиной. На все ее уговоры вернуться, он отвечал:

« — Я покинул Россию не для того, чтобы бороться за нее! Не для того, чтобы освободить русский народ от рабства, но, прежде всего — для того, чтобы самому не быть рабом!». Видя ее подавленное состояние, супруги Мережковские организовавшие Литературно-философское общество «Зеленая Лампа», предложили ей создать театральную студию. Поначалу она загорелась этой идеей — носилась по городу, собирая актеров, подыскивала помещение и реквизит. Но тяжелая болезнь мужа помешала осуществить планы. 3 марта 1927 г. в четыре часа пополудни Михаил Петрович Арцыбашев умер от менингита, осложненного туберкулезом. Он прожил в Варшаве всего три с половиною года. Ему шел 49-й год.

Похороны вылились в манифестацию антибольшевистской непримиримости. На заседании «Зеленой лампы» Зинаида Гиппиус так отозвалась об Арцыбашеве: «Человек. Любил родину просто: как любят мать. Ненавидел ее истязателей. Боролся с ними лицом к лицу, ни пяди не уступая. Слава борцу за свободу России!». Некрологи написали многие литераторы: А.Куприн, М.Бунин, А.Черный, Л.Елпатьевская, А.Амфитеатров, И.Северянин, А.Карташев, И.Шмелев, З.Гиппиус и Д.Мережковский. Из далекой Америки прислал вдове свои соболезнования знаменитый художник Борис Арцыбашев — сын писателя от первого брака. В России, в журнале «Огонек», скромная заметка в несколько строк появилась лишь спустя месяц после похорон писателя: Посмертно, на средства Русской общины в Польше вышла книга «Черёмуха» (Варшава, 1927г.). В России, в журнале «Огонек» скромная заметка в несколько строк, появилась лишь спустя месяц после смерти писателя: В СССР произведения Арцыбашева до конца 1980-х гг. не переиздавались.

Елена Ивановна, ценой невероятных усилий, смогла собрать приличную сумму денег, на установку достойного памятника супругу. Ежегодно, в день годовщины смерти Арцыбашева, на протяжении ряда лет, его могила на Вольском православном кладбище в Варшаве становилась местом паломничества русских эмигрантов. Дата отмечалась собраниями, вечерами и траурными митингами. Но шли годы. Оставшись в одиночестве на чужбине, не имея профессии, дающей стабильного заработка, жена писателя решила покинуть Польшу. Связавшись с родственниками, жившими в Румынии, в конце 1931г. переехала к ним. В одном из своих писем друзьям поэт Игорь Северянин (Лотарев) пишет: «...Бухарест — элегантнейший из городов. Там же живет теперь у родственников и Елена Ивановна Арцыбашева, моя старая знакомая еще по Петербургу, вдова известного писателя...». О том, как в дальнейшем сложилась судьба Елены Ивановны Княжевич-Арцыбашевой, неизвестно.

